

В.П.Казаков

«Этот мир, выходящий на мировую арену...». История Чили в книге А.С. Ионина «По Южной Америке»

История отношений России со странами Южной Америки неразрывно связана с именем Александра Семеновича Ионина – дипломата, писателя и путешественника. Он был инициатором установления дипломатических отношений с Аргентиной и Уругваем, его путешествия в Южную Америку показали необходимость развития со странами Латинской Америки более тесных связей.

Многогранная личность Ионина привлекала окружающих: "Наружность его было необыкновенная, – вспоминал близко знавший его Г.А. Де Воллан, – на шее торчала как бы мертвая голова, обтянутая, конечно, кожей. Но при разговоре с ним вы забывали о его наружности и находились под обаянием интересной личности"¹. Ионина отличала огромная энергия, страстность, с какою он брался за интересовавшее его дело. Современники считали Ионина "человеком бывалым и знающим", отмечали его активное участие в формировании внешнеполитического курса России. Его книга "По Южной Америке", четыре тома которой вышли в свет в течение 1892–1902 гг., пользовалась большой популярностью у русских читателей. Книга вызвала большой интерес и за рубежом и сразу же после выхода в свет была переведена на немецкий язык, отрывки из нее и изложение отдельных глав появились на французском и испанском языках. В 1897 г. Российской Академией наук ее автору была присуждена премия митрополита Макария.

Александр Семенович Ионин родился в 1837 г. в небогатой дворянской семье. По окончании в 1854 г. Лазаревского института восточных языков он поступил на службу в министерство иностранных дел. Дипломатическая деятельность Ионина за границей началась в 1856 г. в Константинополе. Несколько лет он провел в русских дипломатических представительствах в Италии, потом в Греции. В 1868 г. Ионин становится русским генеральным комиссаром, а затем министром-резидентом в Черногории, где он провел около 13 лет.

¹ Де Воллан Г.А. Очерки прошлого. – Русская старина. Спб., 1914. № 3. С. 308.

Александр Ионин

В 1883 г. Ионин был назначен посланником в Бразилию и формально оставался на этом посту до конца 1892 г., когда ушел в отставку. После 1892 г. Ионин находился в распоряжении министерства иностранных дел, выполняя различные дипломатические поручения, а в 1897 г. стал посланником в Швейцарии. Умер Ионин в 1900 г.

Несмотря на относительно непродолжительный срок пребывания в Южной Америке, именно южноамериканский период деятельности Ионина стал вершиной его дипломатических достижений. Уезжая в Бразилию, Ионин был опытным, почти с 30-летним стажем дипломатом, имел широкий кругозор для понимания сложных отношений в Южной Америке. Смысл своей деятельности он видел в поддержании Россией статуса великой державы путем проведения активной внешней политики.

В Южной Америке Россия не занимала тогда положения, соответствующего великой державе. Единственной страной, с которой Россия имела дипломатические отношения, была монархическая Бразилия. Придерживаясь принципа легитимизма, царское прави-

тельство до середины XIX в. отклоняла все попытки образовавшихся революционным путем латиноамериканских республик установить с ней дипломатические отношения. Во второй половине XIX в. позиция России изменилась. Учитывая растущее экономическое и политическое значение стран Латинской Америки, русская дипломатия начинает проявлять активный интерес к установлению с ними дипломатических отношений.

В Бразилии Ионин приступил к выполнению задания министерства иностранных дел исследовать вопрос о расширении отношений с южноамериканскими странами. Внимательно наблюдая за жизнью южноамериканских республик, он очень быстро убедился в необходимости установления и укрепления связей России с этими государствами, в первую очередь с Аргентиной и Чили. Русский дипломат писал: "Не в далеком будущем южная окончательность Америки, если развитие ее пойдет с такой же быстротой, как теперь, конечно, представит для международных отношений политический интерес не последней важности – здесь (имеется в виду Аргентина – В.К.) и в Чили развивается сила, которая предназначена, может быть, играть роль"².

Благодаря дипломатической активности Ионина Россия во второй половине 1880-х годов установила официальные отношения с Аргентиной и Уругваем, а сам Ионин, помимо Бразилии, стал совмещать пост российского посланника в этих южноамериканских странах.

В 1889 г. Ионин предпринял путешествие вокруг Южной Америки. Поездка была согласована с министерством иностранных дел. В письме старшему советнику министерства, впоследствии министру, В.Н. Ламздорфу Ионин следующим образом сформулировал задачу своего путешествия: "...нужно воспользоваться этим, чтобы немного изучить Америку. Я думаю, что мои донесения отсюда, возможно слишком пространные, расскажут Вам о вещах, которые у нас совершенно не знали, о которых было бы небесполезно знать – это мир, выходящий на мировую арену..."³. Из Буэнос-Айреса через Фолклендские острова, Огненную землю и Магелланов пролив он добрался до чилийский тихоокеанского побережья.

Главной целью его путешествия была Чилийская республика.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Канцелярия МИД. Ф. 133. Оп. 470. 1888 г. Д. 83. Л. 97.

³ Цит. по: Шур Л.А. Россия и Латинская Америка. М., 1964. С. 95.

По мнению Ионина, "на берегах Тихого океана это было единственное американское государство, имеющее значение". Ко времени приезда Ионина русско-чилийские отношения ограничивались внештатными консульствами в Вальпараисо и в Одессе. Ионин должен был наметить пути для установления дипломатических отношений с Чили. Эту идею поддерживало морское министерство, уже давно проявлявшее интерес к портам Чили, поскольку они лежали на пути русских кораблей в Тихий океан.

Обострение отношений с Англией, возможность крейсерской войны открыли стратегическое значение побережья и портов Южной Америки для России. В конце 1870-х годов русские корабли начали исследования фарватера Магелланова пролива. Моряки считали полезным создать здесь склады угля и продовольствия. Ионин также полагал, что на пути в Тихий океан важным этапом для русских кораблей могли быть чилийские порты. Отмечая важность нейтральных портов Чили для России, он предложил проект их практического использования. В донесении министру иностранных дел Н.К. Гирсу он писал: "Условия этой дороги для нас небезразличны при тех опасностях, которым наши морские сообщения могут подвергнуться в случае столкновения на море с иностранной державой, особенно с Англией. В виду этого обстоятельства порты Аргентинской и Чилийской республик могут для нас представлять существенный интерес как морские станции на далеком пути между двумя океанами, станции, где в случае нужды наши корабли могли найти бы уголь и съестные припасы"⁴.

Находясь в Чили, Ионин был уверен в скором установлении русско-чилийских дипломатических отношений. Помешало этому стечение обстоятельств: сначала отъезд Ионина в Россию в конце 1889 г. в связи со свержением монархии в Бразилии, а затем гражданская война в Чили в 1891 г. Дипломатические отношения с Чили не были установлены, но в 1893 г. была учреждена должность штатного консула России в Вальпараисо.

Результатом путешествия Ионина по южной части Америки стала книга "По Южной Америке". Первый том содержит рассказ о посещении южных провинций Бразилии и уругвайской пампы. Во втором томе содержится очерк об Уругвае и подробный рассказ об Аргентине. Завершается том описанием поездки в Парагвай. Третий том открывается описанием Мальвинских (Фолклендских) островов, Магелланова пролива, Огненной земли и их жителей;

⁴ АВПРИ. Канцелярия МИД. Ф. 133. Оп. 470. 1886 г. Д. 88. Л. 45 об.–46.

остальная часть тома посвящена Чили. В четвертом томе рассказывается о путешествии в глубь Перу и Боливии до озера Титикака. Смерть помешала Ионину завершить труд. Остались ненаписанными очерк о Бразилии, описание путешествия по Амазонке.

В своей работе Ионин впервые в России предпринял попытку комплексного освещения политики, истории, экономики и культуры стран Южной Америки. По глубине и охвату проблем, широте тематики исследования этот труд был единственным в своем роде. Помимо художественной ценности – не случайно литературоведы считают Ионина писателем, чье имя вошло в историю русской литературы – его труд стал первым исследованием истории южноамериканских стран, положившим начало русской историографии Южной Америки.

Для исторической науки Ионин оставил богатое наследие. Содержащийся в его труде анализ исторического прошлого южноамериканских народов, наблюдения и оценки современных ему событий и государственных деятелей стран, в которых он побывал, до сих пор представляют интерес для всех занимающихся проблемами Латинской Америки.

Ионин отвергал европоцентристский взгляд на историю южноамериканских стран, отмечая, что нельзя судить "о здешних государственных организациях по тем шаблонным понятиям, какие мы себе составили о государстве в Старом Свете"⁵. Прежде всего это касалось главного вопроса, который вставал перед всеми исследователями: в чем причина отставания южноамериканских стран от их северного соседа? Для Ионина ответ на этот вопрос не исчерпывался указанием на различия в колонизации Южной и Северной Америки. Он не отрицал, что причины и условия европейской колонизации Северной и Южной Америки носили различный характер, "что и произвело коренное различие в судьбах и цивилизации обоих материков Нового Света"⁶.

Диаметрально противоположными были цели испанской и английской колонизации Америки. Испанцы ехали в Южную Америку "не столько от тесноты или междоусобиц у себя дома, не от религиозных гонений или из желания основать новые свободные отечества, сколько просто из жадности и страсти к авантюре. Они искали или золота или серебра... или тех продуктов юга, тех пряностей и красильных веществ, которые стали в Европе такою же

⁵ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 2. Спб., 1892. С. 195.

⁶ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 1. Спб., 1892. С. 64.

драгоценностью, как и благородные металлы"⁷. Поэтому сюда устремились, прежде всего, не колонисты, а авантюристы.

Напротив, в Северной Америке переселенцы стремились колонизовать страну. Англичане делали колонистами, оседали на земле. "Желая обеспечить себе спокойную работу, своими собственными руками должны были избавиться от местных дикарей и хищников, работа которых им была не нужна. Оттуда жестокое истребление местных людей"⁸.

На Юге Америки этого истребления не было. Здесь испанцам нужна была работа туземцев и их стремились обратить в рабство. "Собственно колонисты, – отмечал Ионин, – пошли только теперь в Южную Америку, а до последнего времени эта часть света была не испанской колонией, а испанским завоеванием"⁹.

Но только ли Испания была виновата в этом? Для Ионина представлялось поверхностным следующее широко распространенное суждение: "дух легкомыслия, нравственная распушенность, южная лень, а особенно религиозный фанатизм испанского католичества составляют препятствия для правильного развития стран, населенных испанцами". – "Не то было бы, если бы эта часть света, как Северная Америка, попала в руки англосаксонской расы. Какое богатое раздолье для человеческой деятельности и цивилизации представляли бы тогда эти богатые и разнообразные по природе страны. И здесь работа и всякий прогресс кипели бы, как и в Соединенных Штатах Америки"¹⁰.

Ионин был далек от столь оптимистических прогнозов. Прежде всего, он не считал, что английская колонизация, произойди она в Южной Америке одна сама по себе могла радикально изменить судьбу этой части Нового Света. Причина крылась в огромной разнице не только в самой колонизации, но и "в доколониационной жизни двух материков Нового Света". "Англичане завладели территорией или пустой, или населенной немногочисленными дикарями, а испанцы попали в страны не только населенные, но и цивилизованные. "Колонисты утонули в этой массе; они сделали ее господами, окрасили ее отчасти своею кровью"¹¹.

"Итак, – делал вывод Ионин, – испанцы не колонизовали Но-

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 2. С. 202.

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Там же.

вый Свет, как англосаксы, а внесли в него только новую кровь, не сами сделались народом, а создали новые народности или видоизменили старые, и понятно, что не испанская история здесь продолжается, а начинается своя"¹².

Мог ли результат быть иным, если бы в Южную Америку вместо испанцев пришли англичане? По Ионину, ответ скорее отрицательный, чем положительный. "Мы, конечно, не знаем, что было бы с Южной Америкой, если бы сюда явились англосаксы. Но можно почти наверное сказать, что если бы сюда пришли англосаксы при таких же условиях, как испанцы, здешняя страна не создала бы организма подобного Соединенным Штатам Северной Америки"¹³.

Не разделял Ионин и негативной оценки роли католической церкви в исторических судьбах Южной Америки. "На деле католическая религия, – отмечал Ионин, – оказалась куда как мягче и гуманнее, чем свободомыслие пуританского протестантизма. Именно эта католическая религия помешала, главным образом, уничтожению местных народностей Южной Америки и даже служила для этих народностей цементом, благодаря которому они образовали, несмотря на чужую победу, новые группы и уцелели"¹⁴. Ионин обращал внимание на разительный контраст с судьбой североамериканских индейцев, в уничтожении которых "пуританские священники свирепствовали заодно с авантюристами в этом лагере святош и вовсе не умеряли их жестокости, как иезуиты и доминиканцы в лагере Писарро или Кортеса"¹⁵.

Ионин не считал расово-биологический фактор существенным при объяснении отличия южноамериканских стран от США. По его собственным словам, он полагал "необходимым показать, что не люди, не раса, а сама история, местные обстоятельства виноваты, главным образом в том, что испанские республики в Америке не могут успокоиться, несмотря ни на какие ухищрения социологической науки"¹⁶.

Исторические условия обусловили различия и между самими южноамериканскими странами. "Америка не везде одинакова, – подчеркивал Ионин, – ее пампы, горы и леса резко отличаются

¹² Там же. С. 198.

¹³ Там же. С. 196.

¹⁴ Там же. С. 201.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 202.

между собой и нельзя характер этого огромного материка определять общими чертами"¹⁷. Как ни важны сами по себе природный и демографический факторы, не столько они делают человека, сколько история.

В этом отношении показательна история Чили. Для Ионина пример Чили показывал сколь непохожи друг на друга южноамериканские страны. В Чили эта непохожесть приобрела исключительный характер и касалась политической и социальной организации жизни, "хотя (Чили – В.К.), – отмечал Ионин, – из того же народа состоит, что и остальная часть испанских республик"¹⁸. Исключительность Чили Ионин усматривал "в том, что это первая и единственная вполне оседлая испанская страна в Америке, первая культурная страна, встреченная мною на южном материке Нового Света"¹⁹.

История происхождения Чили объясняет ее отличие от других южноамериканских стран. В Чили испанцы не нашли золота "того Эльдорадо, о котором мечтали", но столкнулись с ожесточенным сопротивлением индейцев. Чили оказалось завоевать труднее, чем Перу. Ионин объяснял это различием в общественной организации индейцев. В Перу существовала государственность, но "царство Инков устроено было таким образом, что завладев Инкою царем, испанцы завладели и народом, как стадом животных. Без царя, без его центральной власти... перуанцы, за малым исключением, оказались неспособными ни на какое сопротивление и покорились новым владыкам, сначала беспрекословно, как прежде покорялись Инкам"²⁰.

В Чили такого центра власти не было, "племена еще не сложились в национальный организм". Каждое племя имело собственное управление (управлялось выборными старшинами-касиками). Здесь нужно было покорять каждое племя особо или соглашаться с ним". Вместе с тем индейцы уже обрабатывали землю, занимались ремеслами и у них "существовали зачатки о праве собственности, которого не было среди абсолютного коммунизма в Перу"²¹.

Поэтому в Перу испанцам легче было присвоить землю, поскольку "ее не нужно было ни у кого отнимать, кроме царя, Инки,

¹⁷ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 3. Спб., 1903. С. 302.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 270.

²¹ Там же. С. 271.

но в Чили землю пришлось отнимать у каждого индивидуума отдельно и, присваивая землю, делать из свободных людей рабов"²².

Это вызвало сопротивление индейцев и привело к длительной войне. Испанцам удалось захватить центральную часть Чили, но на юге, за рекою Био-Био индейцы отстояли свою независимость. Река сделалась границей страны вплоть до 1880-х годов. Если на юге господствовали дикари, то на севере – пустыня. Таким образом, "Чили осталось как бы изолированным клочком земли от остального мира", "опять забытая и заброшенная после походов Альмарго, Вальдивии и Мендосы"²³. "Испания после Мендосы почти за была эту бездоходную колонию"²⁴.

Казалось бы, встретив такие препятствия, не найдя золота и вынужденные сами работать, испанцы должны были просто-напросто уйти из Чили, но вышло наоборот. "Нигде, – отмечал Ионин, – они так крепко не цеплялись за маленькие клочки земли, в узких долинах между горами, как в Чили"²⁵. В объяснение этого Ионин обращал внимание на различное поведение испанцев в Чили и Перу. В Перу легко доставшееся богатство развратило испанцев. В Чили же борьба и ежеминутная опасность для жизни дисциплинировали испанцев, заставили их сплотиться и приняться за работу, чтобы не умереть с голоду. "Кажется, что тут действовали как бы две различные расы людей", а не "те же самые бесшабашные испанские авантюристы". "Общая опасность и необходимость личного труда, – делал вывод Ионин, – переделывает людей"²⁶.

Испанцам, не имевшим других источников существования, кроме земли, пришлось сделаться земледельцами. Ограниченность пригодной к обработке земли, "теснота пространства, заключенного, как в стенах крепости, между почти непроходимыми горами и морем, помогла порабощению и прикреплению индейцев к земле в качестве работников, илотов, если не рабов"²⁷, и "с тем вместе прикрепляли к земле своих господ, испанцев. Беспокойные авантюристы все более делались консервативными помещиками"²⁸.

Ионин обратил внимание, что еще в колониальный период Чили достигло высокой степени централизации и здесь сложилась

²² Там же.

²³ Там же. С. 275.

²⁴ Там же. С. 276.

²⁵ Там же. С. 272.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 275.

²⁸ Там же. С. 276.

сильная олигархия. Причины этого он видел в изолированном, пограничном положении этой испанской колонии: "Чили было предоставлено самому себе". Постоянная борьба с индейцами-арауканами "заставила чилийскую колонию быть постоянно настороже, выработала в ней дисциплину, солидарность оседлых земледельческих обществ", сплотило чилийских помещиков "в крепкое политическое целое". Олигархия возникла из потребности "колонистов-помещиков поддерживать спокойствие, держаться друг за друга и подчинять и себя и народ неуклонной дисциплине на тесном пространстве земли"²⁹.

Утвердившийся в колонии социально-политический порядок обусловил и особенность развития Чили после обретения независимости: страна избежала длительной полосы гражданских войн. Ионин особо выделяет это обстоятельство: "Таким образом уже давно во время еще испанского владычества, Чили представляло особенность в жизни Южной Америки – ту особенность, какую оно представляет и теперь. Теперь эта республика отличается тем, что в ней не существует революций и пронунсиамьенто в качестве национального учреждения, – такое же внутреннее спокойствие отличало ее и во время испанского владычества, – тогда как смута, вольница, беспорядок и насилие царствовали почти во всех остальных испанских колониях, сдерживаемые только железным и неумолимым правительственным режимом"³⁰.

Чили отличалось не только своим политическим, но и социально-экономическим устройством. В отличие от Ла-Платы, где сложился своеобразный общественный строй, отличный как от рабства, так и крепостничества³¹, в Чили утвердились феодальные отношения. "Если только, – замечал Ионин, – эти два термина – феодализм и Америка, не исключают непременно один другого". Однако в силу особо сложившихся обстоятельств страна начала складываться в форме феодализма в то время, когда эта форма начала разрушаться в Европе³².

Для обоснования этого положения Ионин рассмотрел социальные отношения в главной отрасли экономики – земледелии. Характерной фигурой в чилийской деревне как в колониальный период, так и во время пребывания в стране Ионина являлся крестья-

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 2. С. 157.

³² Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 3. С. 177–178.

нин – инкилино, рото. "Уж право не знаю, – писал Ионин, – как перевести это слово по отношению к Чили – вассалы или крепостные, потому что отношения между господами и рабочими чрезвычайно похожи на прежние крепостные порядки в России"³³. Земельный собственник предоставлял инкилино участок земли за оплату долей урожая и отработками. Несмотря на то, что инкилино юридически был свободным человеком, он не мог уйти от хозяина, находясь у него в неоплатном долгу. Хозяин принимал все меры, чтобы инкилино оставался в долгу. Все необходимые средства для жизни отпускались ему в хозяйской лавке. "Можно себе представить, – замечал Ионин, – по какой цене и на каких условиях"³⁴.

Но и само географическое положение центральной части Чили, где в основном было сосредоточено земледелие, зажатой с севера пустыней, а с юга – индейцами-арауканами, не давало выхода земледельческому населению. Поэтому крестьяне очень редко выходили из своего положения земледельца, "гораздо реже, – добавлял Ионин, чем наши крепостные в старину". Благодаря такому порядку вещей инкилинос "прирос к земле и как поля кукурузы, как персиковое дерево, сделалось достоянием владельца земли"³⁵. Это объясняло столь различные социальные отношения в Чили и на Ла-Плате, где гаучо благодаря "простору и пастушеской кочевой жизни сделались, безусловно, свободными казаками"³⁶.

Ионин постоянно возвращался к занимавшему его вопросу: соответствие формы содержанию жизни в южноамериканских странах. Вот и в Чили, "закон – одно, а жизнь – другое, и я, – отмечал Ионин, – мне кажется, нигде еще не встречал такого поразительного примера того, что жизнь может идти положительно вразрез с законом" и приводит к такому социальному положению трудящихся "в жизни архисвободной республики"³⁷.

Вслед за земледелием в Чили начали развиваться и другие отрасли хозяйства. Только когда чилийцы крепко уселись в завоеванных ими долинах на юге от Сантьяго, тогда только смельчаки возвратились в пустыню и нашли там золото и другие металлы³⁸. Чили сделалось центром, из которого стали выходить искатели

³³ Там же. С. 181.

³⁴ Там же. С. 184.

³⁵ Там же. С. 187.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 182.

³⁸ Там же. С. 315.

руд, золота, серебра. Эти старатели получили название катеадорес. В северных пустынях они отыскивали месторождения руд, начали устраивать поселки, копать шахты³⁹.

Несмотря на то, что в Чили для скота мало места, страна сделалась центром торговли скотом, передаточным пунктом между аргентинской пампой и побережьем Тихого океана. Торговля продуктами скотоводства способствовала формированию еще одной категории населения – гуасо, конных пастухов. В отличие от аргентинского гаучо гуасо не занимался ловлей скота, а только перегонял его через Кордильеры. По определению Ионина, гуасо "скорее кочующий купец, семейство которого живет оседло в городе или в селе у подножия Кордильер. Его интересы не изолированы, а тесно связаны с жизнью оседлого Чили и при том он почти исключительно европейской крови, он принадлежит к тем же испанским или европейским выходцам Чили, как и аристократ помещик, и так же резко отличается от поработанных ротос, почти никогда не смешиваясь с ними"⁴⁰.

Особенности развития страны определили ее социальную структуру. "Собственно чилийский народ разделен на две группы, между которыми нет как бы органической связи – на землевладельцев и владельцев рудников и на землепашцев и рудокопов. Эти два класса, и по крови, по традициям между собой не сливаются". "Оседлая работа приковывает людей к земле и крепко удерживает каждого в своих привычках, в своих традициях". Классы в Чили напоминали касты. "Но, конечно, понятие касты условно, – уточнял Ионин, – на подвижной американской почве ничто еще окончательно не определено, но до некоторой степени это определение намекает на действительность", которая пронизана консерватизмом. "Консерватизм этот отразился на всех явлениях экономической, нравственной и политической жизни". И в этом Ионин усматривал отличие Чили от Ла-Платы, где границы между классами очень подвижны. "В пампе потребности полукочевой жизни и эксплуатации движущегося скота невольно перемешивают гаучо и собственника, подчиняя их общим привычкам". Это касалось и иностранцев. "В пампе гаучо абсорбируют иностранца, который, конкурируя с гаучо, вынужден принимать его образ и подобие, его мирозерцание, его интересы и высшие слои обще-

³⁹ Там же. С. 280–281.

⁴⁰ Там же. С. 280.

ства тоже абсорбируют по тем же причинам иностранцев"⁴¹.

Другое дело в Чили, где территория центральной части страны плотно заселена и "колонистам негде поселиться и слиться с народом". Поэтому европейская иммиграция в Чили не приняла такие размеры, как на Ла-Плате. Здесь иностранцы также играли важную роль, но иную, чем в Аргентине и Уругвае. "Они здесь торговая буржуазия, в отличие от Аргентины, где они проникают во все поры жизни"⁴².

Общественная структура наложила печать на этнические процессы. Ионин отмечал, что в Чили классовое и этническое деление практически совпадало. Здесь наблюдалось меньшее смешение европейцев с индейцами, чем в других испано-американских странах. Метизации препятствовал земледельческий характер страны. "В земледельческом Чили, – объяснял Ионин, – такое смешения было меньше вследствие глубокой пропасти, отделявшей господ от рабочего народа, как бывает исключительно в земледельческих странах, где образовалось разделение народов на касты"⁴³. Метизация ограничивалась низшими слоями, и она практически не затронула высшие классы. "Тогда как везде в других республиках, – отмечал Ионин, – за немногим исключением, эти метисы, мулаты и т.д., – напротив, наполняют собой высший класс населения, а низший большей частью остается чистым или почти чистокровным индейским"⁴⁴.

Отпадение Чили от метрополии, как и других испанских колоний, произошло в результате войны за независимость, которую Ионин называл "революцией против Испании". Этому способствовал ряд обстоятельств. Революцию в Чили породили те же причины, что и на Ла-Плате: "беспорядки и споры из-за престола в самой Испании, война с Францией"⁴⁵.

Для Ионина события в Испании явились главной причиной начавшегося революционного движения. В условиях, когда французы завладели большей частью испанской территории и ее престолом "сама Испания на несколько лет перестала существовать и оборвалась связь с колониями"⁴⁶. Ионин не отрицал идейного

⁴¹ Там же. С. 241.

⁴² Там же. С. 240.

⁴³ Там же. С. 277.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 281.

⁴⁶ Там же. С. 282.

влияния французской революции, но не придавал ему решающего значения. "Дух свободомыслия, возбужденный французской революцией, конечно, тоже способствовал этому событию, но уже впоследствии, когда события в самой Испании дали первый толчок этого рода движению"⁴⁷.

В качестве второй важнейшей причины освободительной войны Ионин считал политику Англии. Англичане, которые, по его образному выражению, "подбирали тогда по всему свету чужие колонии", "тоже сильно способствовали отпадению Чили от Испании"⁴⁸. Если на Ла-Плате они действовали открыто, пытаясь захватить Буэнос-Айрес, то в Чили – "посредством частных предприятий революционных волонтеров"⁴⁹. И в том, и в другом случае они преследовали одну и ту же цель: "открыть новые страны или для своего владычества, или для сбыта своих товаров". Испанская торговая монополия закрывала колонии для иностранной торговли. "'Оторвать их от Испании, – писал Ионин, – значило включить их в сферу английской эксплуатации"⁵⁰.

Идеологическим обеспечением английской политики был либерализм. Ионин называл английских либералов "оружием английского эгоизма в колониальной политике своего отечества". Английские либералы начали прибывать в Чили, "чтобы под маской общечеловеческого либерализма оторвать от Испании одну из ее хороших колоний. Нужды нет, – добавлял Ионин, что Веллингтон защищал эту же самую Испанию от Франции"⁵¹. "Этот либерализм, – указывал Ионин, – тогда, как и впоследствии тоже, очень был выгоден для Англии". "Не рискуя ничем, англичане таким образом и невинность сохраняли, и капиталы наживали". "Едва Буэнос-Айрес начал бушевать, английские либералы, или авантюристы, явились туда, предлагая свои услуги – то же случилось и в Чили"⁵².

В самом Чили события в Испании привели к образованию двух партий: сторонников метрополии и автономистов. "Стремление к административной автономии, – отмечал Ионин, – давно уже волновало умы южноамериканцев"⁵³. В конце концов автономисты

⁴⁷ Там же. С. 281.

⁴⁸ Там же. С. 282.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 285.

⁵¹ Там же. С. 284.

⁵² Там же. С. 285.

⁵³ Там же. С. 282.

добились назначения губернатором колонии графа де Конкисту. Ионин полагал, что спор о власти "мог бы продолжаться без особых результатов до тех пор, пока Испания снова не освободилась бы от своих междоусобий". Утверждая это, он исходил из того, что в консервативном Чили внутренних причин для революции не было. "Верность королям Испании все-таки сильно преобладала в Чили". Вмешался внешний фактор – Аргентина. "Если бы не соседство пампы, где революция была в полном разгаре... Чили могло бы еще существовать"⁵⁴. Прибывшие из Буэнос-Айреса делегаты революционной хунты взволновали общественное мнение Сантьяго. Граф де Конкиста отказался от власти в пользу возникшей хунты, которая объявила себя временным правительством до "окончательного водворения в Испании законного короля Фердинанда VII". Это произошло 18 сентября 1810 г. и "день этот сделался национальным праздником чилийской республики"⁵⁵.

Ионин характеризовал происшедшие события как революцию, "хотя и под личиною верности королю"⁵⁶. Последующую радикализацию освободительного движения он объяснял также внешним воздействием. «Настоящие чилийцы остались бы спокойны, но среди них, даже в высших классах, было тогда уже много молодежи, которая училась в Европе, и как только начались в Америке беспорядки, то люди эти явились в отечество с "Общественным договором" Руссо в кармане»⁵⁷. Но главным для Ионина по-прежнему было влияние Аргентины. В Чили проживало много аргентинцев, сочувствовавших революции у себя на родине и они "сделались центром опоры для всех беспокойных элементов Чили"⁵⁸.

В недрах самой правительственной хунты "происходили важные раздоры". После смерти номинального главы хунты графа де Конкисты власть захватили М. де Росас, а затем Х.М. Каррера. Ионин резко отрицательно относился к их деятельности: "для Чили настали горькие дни". Он характеризовал обоих деятелей как "бесшабашных, беспринципных людей". Они "сделались начальниками совершенно разбойничьих шаек". "Росас и Каррера вербовали всякую сволочь в свои шайки, бунтовали ротос и, мало того,

⁵⁴ Там же. С. 283.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 284.

⁵⁸ Там же.

призвали на помощь диких арауканцев"⁵⁹. В то же время Ионин благожелательно относился к О'Хиггинсу, называя его "увлеченным, но честным патрицием". В целом период 1811–1814 гг. Ионин оценивал как трагический в чилийской истории: "всевозможные ужасы обрушились на бедное Чили"⁶⁰.

В 1814 г. Испания освободилась от французского ига и смогла заняться своими колониями. По мнению Ионина, она еще могла восстановить свою власть на Тихом океане, в отличие от окончательно утерянной Аргентины. Вице-король Перу маркиз Х.Ф. де Абаскаль получил из Испании подкрепление и послал войска в Чили во главе с генералом М. Осорио, который разбил "шайки О'Хиггинса и Карреры" у города Ранкагуа. В Чили была восстановлена королевская власть. Каррера и О'Хиггинс бежали в Аргентину, в город Мендосу.

Ионин отмечал решающую роль Аргентины в освобождении Чили от испанского господства. Поскольку "Испания уже слишком поздно принялась за возвращение под свою власть своих американских колоний", ей пришлось "бороться не с революционными только попытками разных колоний, но собственно с новым государством... уже успевшим образоваться в Америке, т.е. с Аргентинской республикой"⁶¹. "Ее пограничные с Чили города, расположенные у подножия восточных скатов Кордильер, как, например, Мендоса, город, основанный чилийцами, находились с Чили в постоянной и тесной торговой связи, и Осорио мог легко восстановить порядок в Чили, перебраться через Кордильеры, устроить в Мендосе главную квартиру, а оттуда действовать в виду возвращения Аргентинской республики под власть испанской короны"⁶².

Для предотвращения испанской опасности и охраны границы правительство Буэнос-Айреса послало в Мендосу отряд войск под командованием Х. Сан-Мартина. Ионин дает ему чрезвычайно высокую оценку: "Он, по-видимому, был одарен замечательным талантом военного человека и административного организатора"⁶³. Сан-Мартин не ограничился защитой аргентинской границы, а разработал план освобождения Чили и изгнания испанцев. К этому его побуждали серьезные причины. Ионин разъяснял их следую-

⁵⁹ Там же. С. 286.

⁶⁰ Там же. С. 287.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 288.

⁶³ Там же.

щим образом: "Но защищать вход в Аргентину было недостаточно для Сан-Мартина. Если бы королевская власть окончательно утвердилась в Чили, то Аргентинской республике грозила постоянная опасность и Сан-Мартин задается мыслью уничтожить эту королевскую власть в самом Чили и таким образом окончательно обеспечить республику с этой стороны"⁶⁴.

Вместе с изложением плана вторжения в Чили Ионин снова возвращается к центральному положению своей концепции войны за независимость в этой стране: отсутствию или крайней слабости ее внутренних предпосылок. Для Ионина дерзость намерений Сан-Мартина заключалась не только в том, что ему надо было преодолеть "непроходимую стену Кордильер", но и в том, что он не мог опереться на поддержку внутри Чили, "так как сами чилийцы были тогда вовсе уже не революционеры". Их поддержку испанцев Ионин объяснял печальным опытом республиканского правления, в особенности "опустошениями, произведенными революционными шайками Каррера и Росаса"⁶⁵. Ионин не знал или намеренно игнорировал партизанское движение, начавшееся в ряде местностей Чили.

Готовясь к походу в Чили, Сан-Мартин должен был решить исключительно сложную задачу – преодоление Анд. Нужно было перебросить через высочайшие горы армию с ее военным хозяйством. Сан-Мартин блестяще справился с этой задачей. После трехлетней тщательной подготовки его армия "с необыкновенной быстротой переходит через Кордильеры". Ионин относил поход Сан-Мартина к "одним из самых замечательных эпизодов военной истории человечества"⁶⁶.

5 апреля 1818 г. в битве на берегах реки Майпу армия Сан-Мартина полностью разгромила испанские войска. Ионин назвал этот день "самым знаменательным в истории судеб Южной Америки". Это было не просто одним из сражений в ходе войны за независимость. На берегах Майпу "решилась не только судьба Чили, но и судьба всех испанских колоний – которые сами, своими силами, на берегах Тихого океана, никогда не могли бы свергнуть испанского владычества"⁶⁷. Впоследствии аргентинские войска, соединившись с идущей с севера армией Боливара, положили конец

⁶⁴ Там же. С. 289.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 290.

⁶⁷ Там же. С. 291.

испанскому господству в Перу. "Без колумбийцев и аргентинцев, – заключал Ионин, – Испания до сих пор владела бы здесь своими колониями"⁶⁸.

Освобождение от Испании не принесло стране мира. В Чили, как и в других испано-американских республиках, началась смута, "господство всяких авантюристов – полная охлократия – этот хаос идей французской революции"⁶⁹. По мнению Ионина, причиной смут и неурядиц как в этой, так и в других бывших испанских колониях стало установление республиканской формы правления. От них выгодно отличалась Бразилия, которая стала империей и этим счастливо избежала судьбы остальных южноамериканских стран. "Несмотря на все свои недостатки, – считал Ионин, – эта страна представляла собой все-таки до сих пор довольно плотный государственный организм"⁷⁰.

Для Чили и остальных стран Южной Америки либерализм оказался утопией, стал тормозом в их развитии. Ионин в следующих словах описывал этот период чилийской истории: "Невозможно было бы даже рассказать вкратце историю этого периода существования Чилийской республики, да, пожалуй, это было бы и скучно, и бесполезно. Конституции и люди мелькали как в калейдоскопе – существуя только по несколько месяцев, даже по несколько дней. Один другого старался опередить в либерализме"⁷¹.

Ионин подробно развивает и обосновывает свой тезис о гибельности для страны режима "суверенного народа". Народ не может быть источником власти, когда массы этого народа, эти ротос, полуиндейцы, забиты вековым игом, безответственны, обладают "только самыми первобытными инстинктами человека, почти не имеют понятия даже о семейной жизни". При таком уровне развития они "сделались добычею алчных инстинктов всевозможных авантюристов и честолобцев"⁷².

Несмотря на это, Чили очень скоро, по сравнению с другими испано-американскими республиками, обрело внутривластную стабильность. Кульминацией борьбы либералов и консерваторов стала битва при Лиркае в 1830 г., где армии либералов во главе с Р.Фрейре было нанесено сокрушительное поражение вой-

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 293.

⁷⁰ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 2. С. 169.

⁷¹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 3. С. 293.

⁷² Там же.

сками консерваторов под командованием генерала Х. Прието. Ионин чрезвычайно высоко оценивал значение этой битвы для последующей истории страны. Она "делается, как сражение на Майпу, и как победа Сан-Мартина, началом новой эры для Чили"⁷³. Консерваторы берут власть в свои руки и организуют вновь республику, "но делают это на свой манер, задаваясь уже не либеральными, а практическими целями"⁷⁴.

Главную причину быстрого прекращения гражданских войн Ионин видел в природных факторах, радикально отличающих Чили от соседних стран, и обусловленную ими иную социальную организацию.

Различие заключалось в том, что Чили – страна земледельческая, других ресурсов, кроме земледелия, для жизни не имела. Здесь гражданские войны "не могли продолжаться долго, не лишая всех, и консерваторов, и либералов средств для насущного существования"⁷⁵, в отличие от Аргентины, "где можно было без конца производить революции и все-таки находить средства кое-как питаться, благодаря бесчисленным стадам дикого скота или безграничности огромных пространств, среди которых нельзя было разорить всех вдруг и радикально"⁷⁶. Сами размеры Чили препятствовали беспорядкам. "Чили – страна маленькая – в ней нельзя нигде укрыться от революции, защититься от беспорядков – и реакция здесь должна была произойти быстро, приведя, наконец, в отчаяние и тех, которые разорялись, и тех, которые разоряли, а своими средствами не могли ничего создать"⁷⁷. По Ионину, "земледелие и олигархия, основанная на поземельной собственности, вот две причины, почему в Чили нет волнений, несмотря на демократическую вывеску республики, таким образом, вовсе не отвечающую содержанию"⁷⁸.

Последнее утверждение Ионин подкреплял ссылкой на действовавшую конституцию 1833 г., отличавшуюся "своим решительным консерватизмом". Ионин отмечал ведущую роль Д.Порталеса в установлении консервативной республики. Консервативные порядки способствовали экономическому развитию страны. Ионин

⁷³ Там же. С. 294.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 293.

⁷⁶ Там же. С. 293–294.

⁷⁷ Там же. С. 294.

⁷⁸ Там же. С. 252–253.

обращал внимание на то, что "уже в 40-х годах Чили начинает пользоваться правильным и выгодным кредитом в Европе, несмотря на бедность этой страны в смысле естественных богатств"⁷⁹.

В этот период мотором экономического роста стало земледелие. "Пшеница и кукуруза сделали из Чили житницу Тихоокеанского побережья"⁸⁰. Это произошло благодаря открытию золота в Калифорнии, которую Чили кормило хлебом. И хотя хлебный бум продолжался недолго, скоро Калифорния сама стала обеспечивать себя хлебом, он имел далеко идущие социальные последствия, приведя к укреплению консервативного режима власти. Ионин суммировал это в следующих словах: "Земледелие – это вернейшая опора консерватизма и даже олигархий – дает окончательную физиономию страны"⁸¹.

Ионин раскрыл секрет процветания крупных земельных собственников. Он заключался в том, что у крестьян изымался не только прибавочный продукт, но и значительная часть необходимого. "Производи хлеб Чили посредством колонистов и вообще свободными хлебопашцами как в Аргентине или в Северной Америке, – разъяснял Ионин, – оно, пожалуй, с трудом выдержало бы конкуренцию, но дело в том, что хлеб производится дешево, т.к. рабочие руки почти ничего не стоят"⁸².

Скоро помещики обрели новый рынок на севере страны, где началось бурное развитие горнодобывающей промышленности, что дало толчок и земледельческой колонизации. "Впрочем, как и скот, – отмечал Ионин, – избыток хлеба потребляется на севере в пустынях, где население быстро растет благодаря селитре и рудникам, так что и свободные хлебопашцы, иностранцы находят выгодным селиться в Чили на новых землях"⁸³.

В то же время Ионин не идеализировал установившийся в Чили режим. Эгоистические интересы консервативной олигархии вели к ослаблению государственной власти. Сделавшись господами в стране, олигархи "начинают мало-помалу злоупотреблять своим влиянием. Каждый из них становится царьком в своем околотке и таким образом разрозненные личные интересы делают помехой для правильного хода государственной машины. "Это вело их, –

⁷⁹ Там же. С. 293.

⁸⁰ Там же. С. 191.

⁸¹ Там же. С. 296.

⁸² Там же. С. 191.

⁸³ Там же. С. 192.

делал вывод Ионин, — к противоречию с потребностями усиления государственной власти"⁸⁴.

Чили оказалось в положении, напоминающем Францию времен установления абсолютизма. Там "Людовики французской монархии" боролись "против самовластия и индивидуализма феодалов", здесь "президент пришел в столкновение с олигархами"⁸⁵. Укрепление государственной власти диктовалось всем ходом развития страны. Для борьбы с индейцами, подавления классовой борьбы трудящихся, развития производительных сил страны нужна была абсолютная власть президента, свободная от влияния тех или иных олигархов, ограничивавшая "единоличное самовластие маленьких тиранов" и защищавшая долгосрочные интересы господствующего класса. Орудием проведения президентской политики стала бюрократия. Иными словами, по мнению Ионина, страна должна была пройти в своем развитии этап абсолютизма, пускай не королевского, а президентского.

Сам Ионин следующим образом излагал причины усиления центральной власти. "Страна развивалась, центральное Чили становилось уже тесным для хозяйства республики. Нужно было вызвать к жизни южную часть территории, где господствовали еще дикари, как в Араукании, или где земля пропадала даром, как в Вальдивии на севере; эксплуатация рудников постепенно увеличивала население пустыни и Кордильер. Чтобы удержать дикарей в покорности или страхе, чтобы населить леса Вальдивии, чтобы держать порядок между рудокопами, где могла образоваться местная и буйная вольница, где беспрепятственно нарушались интересы казны или контрабандой или незаконным присвоением земель — для всего этого нужно было усиление центральной власти"⁸⁶.

По мнению Ионина, президент М. Монтт в наибольшей степени подходил для решения всех этих задач. Он "отличался особенно авторитетным характером" и "с успехом занялся культурным расширением чилийской территории". Борьбу оппозиции с Монттом Ионин трактовал как конфликт президентской власти с олигархией. Эта борьба вызвала "революцию". По мнению Ионина, — "единственную серьезную революцию в истории Чили. Это уже была не революция демагогов или честолюбивых полковников, а

⁸⁴ Там же. С. 298.

⁸⁵ Там же. С. 298, 299.

⁸⁶ Там же. С. 299.

революция самых богатых олигархов, своего рода фронда"⁸⁷.

Победа Монтта способствовала дальнейшему укреплению центральной власти. Ионин указывал на положительную роль этой "революции", под которой он имел в виду серию вооруженных выступлений в 1857–1858 гг.: "она поколебала значительно абсолютную власть олигархии в стране в пользу еще большего усиления центральной власти – разные силы страны распределились более равномерно и администрация сделалась более удобной"⁸⁸.

Преимущества чилийской политической модели наглядно проявились в ходе Тихоокеанской войны. Симпатии Ионина целиком на стороне Чили. По его мнению, победа Чили над Перу и Боливией стала результатом "политического воспитания республики": "дисциплина, долгая привычка масс повиноваться авторитетам сделала то, что республика... победила в неравной борьбе"⁸⁹. Победа доставила Чили огромные выгоды: "отняла у Перу и Боливии все залежи селитры, а кроме того, лишала Боливию сообщения с морем" и сделала республику одним из "главных факторов американской жизни"⁹⁰.

Казалось, ничто не предвещало катастрофу. "Когда я оставил Сантьяго, – писал Ионин, – Чили стояло, как и Аргентинская республика, в апогее своего политического значения и экономического развития"⁹¹. Для Ионина последующие события – гражданская война 1891 г. и свержение президента Х.М. Бальмаседы – означали не прогресс, а регресс Чили. "На берегах Тихого океана, вероятно, надолго, если не навсегда, разрушили этот зародыш самостоятельного, если даже не сильного государства"⁹². Ионина не могли устроить официальные объяснения происшедшего: "авторитарные действия президента. Он полагал, что такая "страшная ожесточенная революция, единственная в своем роде в анналах Чили", не могла произойти только из-за "упрямства Бальмаседы".

Не располагая полной информацией, пользуясь лишь газетами, Ионин все же высказал свою версию происшедшего. Он считал, что "причины существовали и помимо упрямства Бальмаседы" и искал главную причину "передрягам" в быстром экономическом

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. С. 302.

⁸⁹ Там же. С. 327.

⁹⁰ Там же. С. 330.

⁹¹ Там же. С. 378.

⁹² Там же. С. 380.

развитии Чили. Оно вызвало брожение, а "упрямство Бальмаседы только предлог, толчок, который довел до взрыва это брожение". Под брожением Ионин имел в виду развитие капитализма. "Капитал, дотоле прикрепленный к земле, делается кочевым" и рождает новых богачей. Эти новые богачи, эти парвеню, уродившись, уже не уживаются с олигархией. По Ионину, в этих условиях только сильная монархическая власть, крепкая традиция могут заставить общество пережить это время брожения без особых катастроф. В Чили этого не было. Олигархия, хотя и сильна, но "это не традиция"⁹³.

В качестве причин свержения Бальмаседы Ионин не называл заинтересованность в этом иностранного, прежде всего, английского капитала. Вместе с тем он дал подробный рассказ о деятельности "селитряного короля" Д.Т. Норта, стремившегося скупить селитряные земли, и о противодействии этому Бальмаседы.

Однако это не значит, что Ионин не придавал значения иностранному капиталу в жизни южноамериканских стран. Напротив, он рассматривал его как главного эксплуататора этих стран и отмечал начавшееся соперничество между США и Европой за господство над этой частью света. Говоря о намечавшемся созыве в Вашингтоне панамериканского конгресса, Ионин замечал, что "судя по его программе, он должен был вырвать весь американский материк из рук европейских эксплуататоров и передать его в руки эксплуататоров североамериканских"⁹⁴.

Не обманывался Ионин и по поводу независимости этих стран, указывая, что сохраняют они эту независимость не благодаря своей силе, а из-за конкуренции европейских держав. "Если до сих пор американские республики пользуются юридической независимостью, — писал Ионин, — то это благодаря розни, существующей в самой Европе, благодаря соперничеству ее народов на почве экономической эксплуатации земного шара, соперничеству, переходящему все более и более во вражду, иначе Южную Америку давно стали бы делить, как теперь делят Африку на сферы влияния"⁹⁵.

⁹³ Там же. С. 381–381.

⁹⁴ Там же. С. 371.

⁹⁵ Там же. С. 369.